

стави и велми чюдно изложи; и аще кто прочет сам узрит, како ветхая понови и колми чюдно изложи».¹⁴ Для читателя XVI в. житие, построенное «по чину», изложенное «чюдно», т. е. с обильным употреблением риторических троп и фигур, казалось эстетически более высоким, чем безыскусственный живой рассказ первоначальных редакций этого жития.

Справедлив ли упрек А. С. Орлова по адресу древнерусских житий в том, что по своим литературным достоинствам в массе своей они стоят ниже южнославянских? Нам представляется, что уже сама по себе такая постановка вопроса не совсем закономерна. Поскольку так называемое второе южнославянское влияние — явление не только внешнее, но объясняется и внутренними причинами развития русского общества, нельзя рассматривать и сопоставлять памятники русской агиографии только с южнославянскими, необходимо более тщательно исследовать связь русских житий XIV—XV вв. с предшествующими им русскими же житиями, в частности с житийными памятниками Киевской Руси. Такое сопоставление для данного периода необходимо тем более, что в это время в Северо-Восточной Руси значительно усилился и возрос интерес к Киевскому периоду русской истории.¹⁵

Кроме того, едва ли есть достаточно веские основания утверждать, что в большинстве своем русские жития периода второго южнославянского влияния по своим литературным достоинствам стоят ниже южнославянских. Как среди одних, так и среди других встречаются произведения более сильные и более слабые, жития, написанные мастерами своего дела и их эпигонами.

В деле перенесения на Русь приемов южнославянского агиографического стиля большая роль приписывалась южнославянским эмигрантам, пришедшим в Россию в конце XIV—начале XV в. В частности, первым наиболее значительным представителем второго южнославянского влияния в области древнерусской агиографии считался митрополит Киприан. Киприаном было написано «Житие митрополита Петра». Это житие обычно расценивалось как первое русское житие, написанное в традициях второго южнославянского влияния, ставшее исходным образцом для всей последующей русской агиографии. Однако тщательный анализ этого жития в сопоставлении его с более ранним «Житием Петра», послужившим основой для сочинений Киприана, показал, что киприановское «Житие Петра» по своему стилю отнюдь не является житием в духе второго южнославянского влияния и признавать это житие образцом последующих произведений русской агиографии у нас нет достаточных оснований.¹⁶

После киприановского «Жития Петра» появились агиографические творения Епифания Премудрого. Признавая бесспорную талантливость Епифания, говоря о наличии в его житиях элементов самобытности и оригинальности, все исследователи тем не менее считают, что жития, созданные Епифанием, являются образцами житий в духе второго южнославянского влияния. А. С. Орлов в своих лекциях по древнерусской литературе, на-

¹⁴ ПСРА, т. VI. СПб., 1853, стр. 301.

¹⁵ Д. С. Лихачев. Культура Руси, стр. 19.

¹⁶ См.: Л. А. Дмитриев. Роль и значение митрополита Киприана в истории древнерусской литературы (к русско-болгарским литературным связям XIV—XV вв.). — ТОДРАЛ, т. XIX. М.—Л., 1963, стр. 215—254.